

Брак по расчету

В доме вдовы Мымриной, что в Пятисобачьем переулке, свадебный ужин. Ужинает 23 человека, из коих восемь ничего не едят, клюют носом и жалуются, что их мутит. Свечи, лампы и хромая люстра, взятая напрокат из трактира, горят до того ярко, что один из гостей, сидящих за столом, телеграфист, кокетливо щурит глаза и то и дело заговаривает об электрическом освещении ни к селу ни к городу. Этому освещению и вообще электричеству он пророчит блестящую будущность, но, тем не менее, ужинающие слушают его с некоторым пренебрежением.

Электричество... бормочет посажёный отец, тупо глядя в свою тарелку. А по моему взгляду, электрическое освещение одно только жульничество. Всунут туда уголек и думают глаза отвести! Нет, брат, уж ежели ты даешь мне освещение, то ты давай не уголек, а что-нибудь существенное, этакое что-нибудь зажигательное, чтобы было за что взяться! Ты давай огня понимаешь? огня, который натуральный, а не умственный.

Ежели бы вы видели электрическую батарею, из чего она составлена, говорит телеграфист, рисуясь, то вы иначе бы рассуждали.

И не желаю видеть. Жульничество... Народ простой надувают... Соки последние выжимают. Знаем мы их, этих самых... А вы, господин молодой человек, не имею чести знать вашего имени-отчества, чем за жульничество вступаться, лучше бы выпили и другим налили.

Я с вами, папаша, вполне согласен, говорит хриплым тенором жених Апломбов, молодой человек с длинной шеей и щетинистыми волосами. К чему заводить ученые разговоры? Я не прочь и сам поговорить о всевозможных открытиях в научном смысле, но ведь на это есть другое время! Ты какого мнения, машер¹? обращается жених к сидящей рядом невесте.

Невеста Дашенька, у которой на лице написаны все добродетели, кроме одной способности мыслить, вспыхивает и говорит:

Они хотят свою образованность показать и всегда говорят о непонятном.

Слава богу, прожили век без образования и вот уж, благодарить бога, третью дочку за хорошего человека выдаем, говорит с другого конца стола мать Дашеньки, вздыхая и обращаясь к телеграфисту. А ежели мы, по-вашему, выходим необразованные, то зачем вы к нам ходите? Шли бы к своим образованным!

Наступает молчание. Телеграфист сконфужен. Он никак не ожидал, что разговор об электричестве примет такой странный оборот. Наступившее молчание имеет характер враждебный, кажется ему симптомом всеобщего

неудовольствия, и он находит нужным оправдаться.

Я, Татьяна Петровна, всегда уважал ваше семейство, говорит он, а ежели я насчет электрического освещения, так это еще не значит, что я из гордости. Даже вот выпить могу... Я всегда от всех чувств желал Дарье Ивановне хорошего жениха. В наше время, Татьяна Петровна, трудно выйти за хорошего человека. Нынче каждый норовит вступить в брак из-за интереса, из-за денег...

Это намек! говорит жених, багровея и мигая глазами.

И никакого тут нет намека, говорит телеграфист, несколько струсив. Я не говорю о присутствующих. Это я так... вообще... Помилуйте!.. Все знают, что вы из любви... Приданое пустяшное...

Нет, не пустяшное! обижается Дашенькина мать. Ты говори, сударь, да не заговаривайся! Кроме того, что мы тысячу рублей, мы три салопа даем, постелю и вот эту всю мебель! Поди-кась найди в другом месте такое приданое!

Я ничего... Мебель, действительно, хорошая... но я в том смысле, что вот они обижаются, будто я намекнул ...

А вы не намекайте, говорит невестина мать. Мы вас по вашим родителям почитаем и на свадьбу пригласили, а вы разные слова... А ежели вы знали, что Егор Федорыч из интереса женится, то что же вы раньше молчали? Пришли бы да и сказали по-родственному: так и так, мол, на интерес польстился... А тебе, батюшка, грех! обращается вдруг невестина мать к жениху, слезливо мигая глазами. Я ее, может, вскормила, вспоила... берегла пуще алмаза изумрудного, деточку мою, а ты... ты из интереса...

И вы поверили клевете? говорит Апломбов, вставая из-за стола и нервно теребя свои щетинистые волосы. Покорнейше вас благодарю! Мерси за такое мнение! А вы, господин Блинчиков, обращается он к телеграфисту, вы хоть и знакомый мне, но я не позволю вам такие безобразия строить в чужом доме! Позвольте вам выйти вон!

То есть как?

Позвольте вам выйти вон! Желаю, чтобы и вы были таким честным человеком, как я! Одним словом, позвольте вам выйти вон!

Да оставь! Будет тебе! осаживают жениха его приятели. Ну, стоит ли? Садись! Оставь!

Нет, я желаю показать, что он не имеет никакой полной правы! Я по любви вступил в законный брак. Чего же вы сидите, не понимаю! Позвольте вам выйти вон!

Я ничего... Я ведь... говорит ошеломленный телеграфист, поднимаясь из-за стола. Не понимаю даже... Извольте, я уйду... Только вы отдайте мне сначала три рубля, что вы у меня на пикейную жилетку заняли. Выпью вот еще и...

уйду, только вы сначала долг отдайте.

Жених долго шепчется со своими приятелями. Те по мелочам дают ему три рубля, он с негодованием бросает их телеграфисту, и последний, после долгих поисков своей форменной фуражки, раскланивается и уходит.

Так иногда может кончиться невинный разговор об электричестве! Но вот кончается ужин... Наступает ночь. Благовоспитанный автор надевает на свою фантазию крепкую узду и накидывает на текущие события темную вуаль таинственности.

Розоперстая Аврора застаёт ещё Гименея в Пятисобачьем переулке, но вот настает серое утро и даёт автору богатый материал для

Серое осеннее утро. Ещё нет и восьми часов, а в Пятисобачьем переулке необычайное движение. По тротуарам бегают встревоженные городовые и дворники; у ворот толпятся озябшие кухарки с выражением крайнего недоумения на лицах... Во все окна глядят обыватели. Из открытого окна прачечной, нажимая друг друга висками и подбородками, глядят женские головы.

Не то снег, не то... и не разберёшь, что оно такое, слышатся голоса.

В воздухе от земли до крыш кружится что-то белое, очень похожее на снег.

Мостовая бела, уличные фонари, крыши, дворницкие скамьи у ворот, плечи и шапки прохожих всё бело.

Что случилось? спрашивают прачки у бегущих дворников.

Те в ответ машут руками и бегут дальше... Они и сами не знают, в чём дело. Но вот, наконец, медленно проходит один дворник и, беседуя сам с собой, жестикулирует руками. Очевидно, он побывал на месте происшествия и знает всё.

Что, родименький, случилось? спрашивают у него прачки из окна.

Неудовольствие, отвечает он. В доме Мыминой, что вчера была свадьба, жениха обсчитали. Вместо тысячи девятьсот дали.

Ну, а он что?

Осерчал. Я, говорит, того, говорит.... Распорол в сердцах перину и выпустил пух в окно... Ишь, сколько пуху! Снег словно!

Ведут! Ведут! слышатся голоса. Ведут!

От дома вдовы Мыминой движется процессия. Впереди идут два городских с озабоченными лицами... Сзади них шагает Апломбов в триковом пальто и в цилиндре. На лице у него написано: Я честный человек, но надуть себя не позволю!

Ужо правосудие покажет вам, что я за человек! бормочет он, то и дело оборачиваясь.

За ним идут плачущие Татьяна Петровна и Дашенька. Шествие замыкается дворником с книгой и толпой мальчишек.

О чем плачешь, молодуха? обращаются прачки к Дашеньке.
Перины жалко! отвечает за нее мать. Три пуда, голубчики! И пух-то ведь
какой! Пушинка к пушинке ни одного перышка! Наказал бог на старости лет!
Процессия поворачивает за угол, и Пятисобачий переулок успокаивается. Пух
летает до вечера.
дорогая (франц. ma chère).